

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ РОСТ СССР: ОБЩЕЕ И ОСОБЕННОЕ

*Волконский В. А., Подузов А. А., Павлов Н. В.,
Соловьев Ю. П.*

(Москва)

В статье сопоставляются общие закономерности экономического развития стран с рыночной экономикой и СССР начиная с момента их вступления на путь индустриализации. Выявленные при этом различия позволили наметить ряд изменений макроструктуры экономики СССР, которые предстоит осуществить при переходе к рыночным отношениям.

Сегодня перед страной стоят проблемы, успешное решение которых зависит от глубины их осмысления в широком историческом и международном аспектах. Насколько же далеко нужно заглянуть в экономическую историю и с какими странами сравнить пройденный нами путь, чтобы полученная в итоге панорама позволила выявить степень ординарности и вместе с тем своеобразия нашего экономического развития? Одни экономисты видят корень всех проблем в бюрократической административно-командной системе управления экономикой и соответственно помещают точку отсчета в начало первой пятилетки, в ходе которой эта система была создана. Другие полагают, что сама система явилась неизбежным результатом крайней экономической отсталости нашей страны и объективной необходимости преодолеть ее в кратчайшие сроки. Эта отсталость в свою очередь выступает как прямое следствие чрезмерно поздней отмены крепостного права и слишком малого времени, которое пришлось на развитие капитализма в России. В таком случае точка отсчета отодвигается в прошлый век.

В первой части статьи представлена картина долгосрочного экономического развития ряда стран, включая СССР. В сжатой и схематичной форме рассмотрены лишь те его аспекты, которые находят обобщенное выражение в экономическом росте в современном понимании, а также связанные с ним изменения институциональной структуры общества. Страны упорядочены в соответствии с тем, когда они вступили на путь индустриализации; этот момент принят для каждой из них за исходный. История свидетельствует, что передовая технология стран, возглавляющих такой список, была объектом подражания в государствах, следующих за ними, и это обстоятельство создавало основу для сходства в характере промышленного развития всех стран. Вместе с тем экономические условия в «догоняющих» государствах, как правило, заметно отличались от «опережающих», что порождало закономерные различия в их промышленном развитии. Поскольку СССР на протяжении всей истории был догоняющим, вопрос об общем и особенном в его экономическом росте может быть решен путем сопоставлений с экономическим ростом других догоняющих стран. Анализ имеющихся данных об общем росте валового национального продукта (ВНП) не показывает явно выраженных черт, отличающих динамику нашего развития. Основные различия на базе макроэкономических характеристик выясняются при сопоставлении хозяйственных структур.

Вторая часть статьи посвящена сравнению пропорций макроструктуры народного хозяйства СССР и других стран. Мы не даем его полной картины, а выявляем лишь наиболее заметные различия в пропорциях. В последнее время вопрос о рациональности структуры нашего производства был поставлен в блестящих публицистических статьях В. Селюнина [1], Е. Гайдара и В. Ярошенко [2]. Почему при росте общего объема производства в СССР уровень потребления почти не повышается или повышается очень медленно? Можно ли объяснить феномен «производства ради производства» хотя бы отчасти путем анализа макропропорций? В. Селюнин связывает этот факт с излишне высокой долей накоплений в СССР. Е. Гайдар и В. Ярошенко показывают, как возникает при сложившейся административной системе неуклонное смещение пропорций в пользу однообразных и дорогостоящих работ «нулевого цикла», требующих меньше затрат управленческого труда «на единицу результата». К тому же кругу феноменов относится «утяжеленная», слишком материалоемкая и энергоемкая структура нашей промышленности и низкие темпы ресурсосбережения.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Методология межстрановых сопоставлений — это сложная самостоятельная проблема. Однако приходится констатировать: в настоящее время как методологические подходы, так и полученные с их помощью количественные оценки сравнения СССР со странами с рыночной экономикой существенно различаются [3, 4]. Поэтому прежде чем анализировать реальные процессы, необходимо очертить наши позиции относительно их измерителей.

Многие специалисты считают заслуживающими доверия расчеты, выполняемые в рамках Проекта международных сопоставлений под эгидой ООН и Международного банка реконструкции и развития [5].

Оценку душевого ВВП СССР Проект делает на основе расчетов ЦРУ [6]. Для 1985 г. этот показатель оценивается в 44–50% душевого ВВП США (в зависимости от базовой системы цен). Такие расчеты уровня развития СССР подвергаются критике со стороны многих видных экономистов, считающих его оценку сильно завышенной*.

Мы вполне присоединяемся к этой критике и тоже считаем оценку Проекта завышенной, пусть не в такой степени, как А. Ослунд, но принимаем данные оценки в качестве исходных для анализа, не забывая об их условности, поскольку Проект разрабатывается на международной основе и охватывает большой круг стран и длинные временные ряды.

Трудности и факторы неопределенности, с которыми встречается проблема межстрановых сопоставлений, в некоторой мере характерны (хотя и менее) и для сопоставления уровней производства и потребления в СССР за разные годы. Наиболее обоснованной и проработанной представляется система индексов роста национального дохода (НД) СССР и других показателей, рассчитанная Г. И. Ханиным [7, 8]. Поскольку при межстрановых сопоставлениях обычно используются не показатели НД, а ВВП, нами проведен расчет темпов его роста в СССР исходя из ханинских индексов НД. При этом учитывался более высокий темп роста тех компонент ВВП, которые не входят в НД, — непродовольственных услуг и амортизации основных фондов. Учет этих факторов показывает, что среднегодовые темпы роста ВВП превышали темпы роста НД в 1951–1985 гг. на 0,5%. Для 1913–1950 гг. соответствующая разница в темпах (из-за отсутствия необходимых статистических данных) была оценена экспертно в 0,2%.

* Так, А. Ослунд в докладе, подготовленном в 1988 г. и обсуждавшемся, в частности, в высших законодательных органах США, дает «вилку» возможных значений этого отношения от 18 до 29% [4].

Полученные таким образом темпы роста душевого ВВП на интервале 1951—1985 гг. практически совпадают с темпами, рассчитанными в рамках Проекта международных сопоставлений*.

О ТЕМПАХ РОСТА ВВП

Если обратиться к прошлому США, ФРГ, Франции, Великобритании, Японии, СССР и других промышленно развитых стран, то на протяжении последних двух веков в экономической истории каждой из них можно обнаружить рубеж, когда на смену многовековому застою пришло динамичное экономическое развитие, темпы которого в дальнейшем неуклонно возрастали (если не считать периода 1913—1950 гг., включающего две мировые войны). Таким рубежом явился промышленный переворот, в ходе которого произошла замена основанных на ручном труде мануфактур машинным производством. Начавшись в Великобритании (конец XVIII в.), промышленный переворот распространился в течение XIX в. на США, Францию, Германию, Россию, Японию, вызвав в них бурный процесс капиталистической индустриализации, сопровождавшийся крупномасштабными сдвигами в структуре производства, рабочей силе, торговле, потребительском спросе. Началось долговременное увеличение доли средств производства в общем объеме произведенной за год продукции, повысились долгосрочные темпы роста производительности труда, происходил значительный отток населения из сельской местности в города, сочетавшийся с многократным ускорением роста общей численности населения**.

Многообразные и взаимосвязанные процессы экономического развития нашли свое обобщающее выражение в том, что в каждой из указанных стран резко возросли, разумеется, одновременно, темпы увеличения объема произведенной продукции. Они стали устойчиво превышать темпы роста численности населения. Другими словами, впервые за всю историю начался осязаемый и неуклонный рост величины общественного продукта в расчете на душу населения. По словам английского экономиста Д. Норта «...вот уже по меньшей мере век, как Западный мир пользуется плодами не имеющего параллелей роста душевого дохода в условиях беспрецедентно высоких темпов роста населения. Это несомненно наиболее примечательный феномен во всей экономической истории» [10, с. 17].

Чем это подтверждается? Прежде всего результатами исследований известного американского экономиста, лауреата Нобелевской премии С. Кузнеца [11, с. 38—40], которые затем были развиты и уточнены А. Мэддисоном [12, с. 44], Р. Липси и И. Крэвисом [13, с. 9] и др. Проведенные ими ретроспективные расчеты показали, что среднегодовые темпы прироста реального (в сопоставимых ценах) ВВП на душу населения перечисленных выше стран с 1950 по 1980 г. находились в пределах 2—6%, в последние три десятилетия прошлого века они колебались (с незначительными отклонениями) вокруг 1,5%. В предшествующие же столетия объем душевого производства если и увеличивался, то в среднем на порядок медленнее, чем в современную эпоху. Подтверж-

* В отношении метода, примененного в Проекте для оценки темпов роста советской экономики, в основе которого лежит расчет натуральных показателей выпуска продукции, высказывалась серьезная критика [9]. Есть основание считать, что этот метод приводит к заниженным оценкам темпов, поскольку плохо учитывает рост качества продукции, связанный в первую очередь с передовыми научно-техническими достижениями. Аргументы, свидетельствующие в пользу данного метода, можно примирить с этой критикой, если согласиться, что он дает приемлемые оценки темпов роста гражданского сектора советской экономики, а рост военных расходов оказывается сильно заниженным. Мы считаем достаточно убедительными оценки Г. И. Ханина. Для тех, кто склонен больше доверять критике [9], выводы настоящей статьи сохраняют силу при замене ВВП на «объем производства гражданских отраслей».

** Если вплоть до середины XVIII в. численность населения Земли удваивалась каждую тысячу лет, то для очередного удвоения потребовалось около полутора веков (период с середины XVIII в. по начало XX в.), а для последующего удвоения — всего первые две трети XX в. [10, с. 37].

дением этого факта могут служить, как правило, фрагментарные данные о производстве и более узкие — об оценке реального дохода преимущественно экспертного характера. Например, по расчетам К. Кларка, реальный доход типичного свободного ремесленника в Древнем Риме (I в. н. э.) был примерно эквивалентен доходу типичного фабричного рабочего Англии в середине XIX в. и итальянского — в конце 20-х годов XX в. * [14]. Надо отметить, что экономические характеристики прежде были, как правило, далеко не важнейшими в жизни общества.

Отсутствие заметного долгосрочного увеличения среднедушевого производства в прошлом и наличие такового в современную эпоху послужило основанием для введения специального термина «современный экономический рост» (СЭР). Согласно определению С. Кузнеца, СЭР — это процесс долговременного увеличения продукта в расчете на душу населения, почти всегда сопровождающийся ростом населения и радикальными структурными сдвигами в экономике и обществе. При этом главную движущую силу современного экономического роста исследователи усматривают в быстром накоплении новых технических и технологических знаний, появление которых в период с середины XVIII до середины XIX вв. носило в основном эмпирический характер, а начиная с середины XIX в. и далее становится все больше и больше результатом соединения науки с производством [15, с. 1–2].

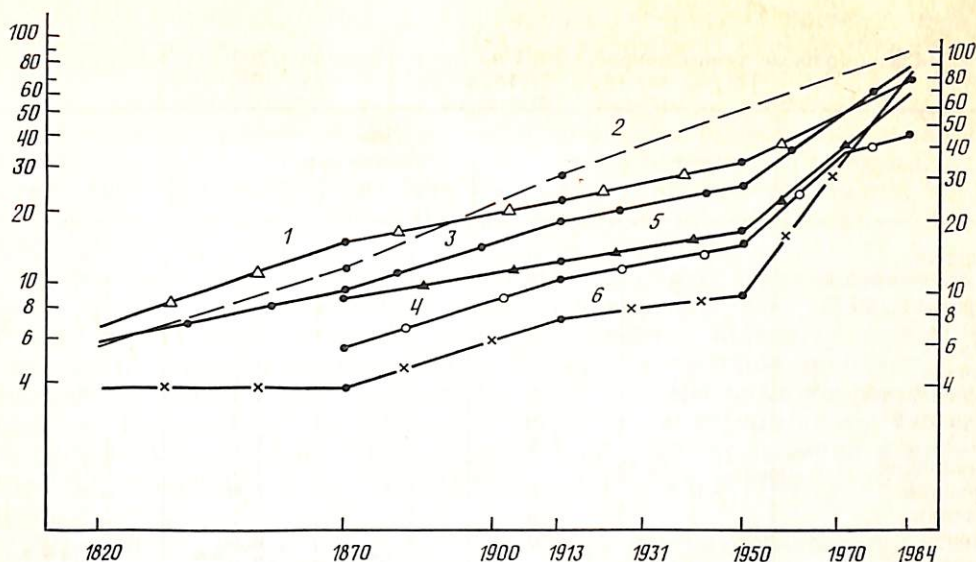
В предисловии к первому тому «Капитала» К. Маркс отмечал: «Страна промышленно более развитая, показывает менее развитой стране лишь картину ее собственного будущего» [Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. С. 9]. Тот факт, что в момент, когда та или иная отсталая страна вступает на путь промышленного развития, в мире уже присутствуют более развитые страны-лидеры, означает, что как внешние, так и внутренние условия экономического роста отставшей страны могут заметно отличаться от условий, в которых ранее происходил экономический рост лидеров **. Это означает также, что и сами конкретные пути экономического развития стран, различающихся временем начала индустриализации, могут иметь существенные отличия.

И дело даже не столько в разновременности начала индустриализации и СЭР, сколько в том, что за ней стоит. Экономическая история европейских стран показывает, что указанная разновременность тесно связана со степенью их экономической отсталости накануне индустриализации: в более отсталых странах быстрое промышленное развитие началось, как правило, позднее, чем в менее отсталых. Разная степень отсталости не только предопределила очередность вступления стран на путь индустриализации, но и наложила отпечаток на сам характер ее протекания. Другими словами, ряд важных особенностей последующего промышленного развития стран явился в той или иной мере следствием разной степени их экономической отсталости накануне индустриализации.

Разумеется, одним этим фактором далеко не исчерпываются все причины наблюдаемых различий в протекании процессов промышленного развития. Большую роль играют также неравная обеспеченность стран природными ресурсами, специфика предшествующего исторического развития, особенности национальных культур, традиций, политических систем. Однако на основе эмпирического анализа в них можно проследить и некоторые общие тенденции, закономерности, хотя и не вполне отчетливые.

* Комментируя оценку К. Кларка и подчеркивая ее условность, Р. Камерон отмечает, что ее экстраполяция на наше время означала бы, что ремесленники Древнего Рима жили гораздо лучше, чем миллионы жителей Азии, Африки и Латинской Америки сегодня [10, с. 35].

** Согласно оценкам А. Мэддисона, за время, истекшее с 1700 г., только три страны занимали положение абсолютных лидеров как по величине валового внутреннего продукта (ВВП) на душу населения, так и по уровню производительности труда (ВВП в расчете на 1 чел.-ч. рабочего времени). На протяжении XVIII в. лидером были Нидерланды, затем эта роль перешла к Великобритании, которая в конце XIX в. уступила ее США (см. [12, с. 29]).

Динамика индекса реального ВВП на душу населения, 1790—1984 гг. в долл. США 1970 г.; уровень США в 1984 г.=100. Индекс ВВП откладывается по логарифмической шкале: 1 — Великобритания; 2 — США; 3 — Франция; 4 — Россия, СССР; 5 — Италия; 6 — Япония

Некоторые закономерности такого рода сформулировал А. Гершенкрон [16]. В частности, чем выше степень экономической отсталости страны накануне индустриализации, тем, как правило, более бурно протекает сама индустриализация, выше темпы роста объема производства в промышленности и экономике в целом; выше уровень концентрации промышленного производства; большое значение приобретают специальные государственные и кредитно-финансовые институты и специальные меры государства, роль которых заключается, с одной стороны, в мобилизации средств для финансирования капитальных вложений в развивающейся промышленности и, с другой — в придании всему процессу индустриализации более целенаправленного, скоординированного характера.

Частичное подтверждение первой тенденции дают оценки, представленные в табл. 1 и 2, а также в виде графиков на рисунке. Они наглядно показывают, что СЭР в странах, приступивших к индустриализации сравнительно поздно (Япония и Россия в 80-х, Германия в 70-х годах XIX в.), происходил гораздо быстрее, чем там, где индустриализация осуществлялась раньше (в Великобритании — в конце XVIII в., во Франции — в начале XIX в., в США — в 30-х годах XIX в.). Так, в нашей стране в 1890—1913 гг. ВВП в расчете на душу населения увеличивался в среднем на 2,2% в год [17], во время же первых пятилеток (1928—1940 гг.) темп его прироста достиг 2,5% *. Между тем в США в годы индустриализации указанный показатель рос темпом 1,5% в год, а во Франции и Великобритании — в 2—3 раза медленнее (см. табл. 1). Из рисунка видно также, что абсолютный среднедушевой уровень ВВП накануне индустриализации в отстающих странах был в основном ниже, чем в опережающих. Имеются, однако, исключения. В Италии, например, этот уровень (в начале XX в) оказался выше, чем в России, Японии и Германии, хотя они и вступили на путь промышленного развития раньше.

Указанная закономерность проявилась и в характере взаимного изменения уровней жизни в разных странах, что также нашло отражение в расположении графиков на рисунке. Они близки друг к другу в начале XIX в. и теперь, спустя без малого два столетия. В промежутке же меж-

* Рассчитано на основе оценок Г. И. Ханина [8, с. 85].

Таблица 1

Среднегодовые темпы прироста ВВП на душу населения 1700—1984 гг., %
[11, с. 44; 12, с. 9; 15, с. 64—65; 18, с. 178]

Страны	Годы				
	1700—1820	1820—1870	1870—1913	1913—1950	1950—1984
Бельгия		1,9	1,0	0,7	2,7
Великобритания	0,4	1,5	1,0	0,9	1,9
Германия, ФРГ		1,1	1,6	0,7	4,2
Дания		0,9	1,6	1,5	2,7
Италия			0,8	0,7	3,8
Канада			2,0	1,3	2,4
Нидерланды	—0,1	1,5	0,9	1,1	2,6
Норвегия		1,0	1,3	2,1	3,1
США		1,4	2,0	1,6	1,9
Финляндия			1,7	1,7	3,6
Франция	0,3	1,0	1,5	1,0	3,3
Швеция		0,6	2,1	2,2	2,5
Япония		0,0	1,5	0,5	5,7
Россия, СССР			1,5*	2,0**	3,2***

* 1360—1913 гг.; в 1894—1913 гг. темп прироста составил 2,2%, а в 1900—1913 гг.—2,9%.

** В 1928—1940 гг. темп прироста — 2,5%.

*** 1950—1985 гг.

Таблица 2

Индексы реального ВВП на душу населения, 1700—1984 гг.; в долл. США 1970 г.;
уровень США в 1984 г. — 100% [11, с. 44; 12, с. 9; 15, с. 64—65; 18, с. 178]

Страны	1700	1820	1870	1913	1950	1984
Бельгия		5,3	13,9	21,3	28,1	69,8
Великобритания	4,3	6,8	14,6	22,4	31,4	73,0
Германия, ФРГ		4,7	8,0	15,8	20,6	89,0
Дания		5,5	8,6	17,0	28,9	70,2
Италия			8,9	12,5	16,3	66,0
Канада			9,3	21,8	36,1	98,0
Нидерланды	6,6	6,0	12,5	18,4	26,6	64,2
Норвегия		4,4	7,3	12,7	28,0	97,0
США		5,6	11,5	26,9	48,2	100,0
Финляндия			5,8	12,0	22,0	73,4
Франция	4,1	5,7	9,4	17,8	25,4	83,0
Швеция		4,6	6,2	15,2	33,3	93,0
Япония		3,8	3,8	7,2	9,0	75,4
Россия, СССР			5,4—6,0	10,6—12,0	15,0—17,0	44,3—50,0*

* 1985 г.

ду этими периодами расстояние между графиками больше; оно особенно велико во второй половине 40-х годов XX в. В 1920 г. среди 12 капиталистических стран, для которых имеются количественные оценки, наиболее развитая Великобритания превосходила по величине ВВП на душу населения наименее развитую Японию в 1,8 раза. На протяжении последующих 130 лет по мере того, как страны-лидеры уходили в своем развитии все дальше от стран, в которых предпосылки индустриализации сложились позднее, различия в уровне их экономического развития нарастали. Вторая мировая война, разрушительные последствия которой сказались на экономике стран в разной мере, усугубила эти различия. В результате в 1950 г. экономически наиболее развитые США превосходили отсталую Японию в 5,5, а СССР — примерно в 3,9 раза.

В послевоенный период положение в корне изменилось. В отличие от США, экономическое развитие которых продолжалось примерно теми же темпами, что и раньше, развитие стран Западной Европы, Японии и Канады резко ускорилось. К основным причинам этого явления относятся прежде всего увеличение масштабов передачи американской тех-

нологии в указанные страны, сокращение интервалов времени между появлением новой технологии в США и моментом ее передачи за границу, а также развивающийся на протяжении всего послевоенного периода процесс либерализации международной торговли. Согласно оценкам Р. Липси и И. Крэвиса, в 1984 г. среди 13 рассмотренных ими развитых капиталистических стран уровень ВВП на душу населения оказался существенно ниже (в 1,6 раза), чем в США, только в Нидерландах. В Канаде же он составил 98% США, в Норвегии — 97, в Швеции — 93 и в ФРГ — 89% (см. табл. 2).

Происходящее в последние десятилетия быстрое выравнивание экономических и научно-технических уровней ведущих капиталистических стран означает, что на смену технологическому лидерству одной из них — США — приходит коллективное лидерство, которое приводит к заметному ускорению НТП в мире. Но если послевоенные тенденции сохраняются и впредь, то указанное выравнивание может означать, что уже на рубеже XX и XXI вв. США утратят свои ведущие позиции в мире и произойдет очередная, третья по счету за период с 1700 г., смена лидеров.

Высокие по международным стандартам темпы послевоенного экономического роста СССР вплоть до начала 70-х годов позволили нашей стране заметно сократить свое отставание от США. Согласно оценкам американских советологов, которые совпадают с оценками Г. И. Ханина*, среднегодовой темп прироста реального ВВП СССР составлял 5,7% в 1950—1960 гг. и 3,4% в 1960—1970 гг., а темп прироста ВВП на душу населения в среднем за два десятилетия равнялся 4,6%, что в 2,1 раза выше, чем в США за те же годы (2,2%). В результате за 20 лет среднедушевой уровень ВВП СССР повысился в 2,45 раза. Однако в 70-х годах экономический рост СССР сильно замедлился, а в 80-е практически совсем прекратился. Темпы прироста ВВП на душу населения в 1970—1975 гг. снизились до 2,7%, в 1975—1980 гг. — до 0,8, а в 1980—1987 гг. — до 0,6%. В итоге экономическое отставание нашей страны от США в последние годы начало усиливаться**.

Прекращение роста эффективности использования производственных ресурсов в целом и исчерпание в основном возможностей экстенсивного развития народного хозяйства — важнейшие причины замедления экономического роста СССР в 70—80-х годах. Структурная перестройка, обновление производственного аппарата, возрождение стимулов к добросовестному труду, переход к интенсивному типу экономического развития требуют значительного времени, измеряемого не годами, а десятилетиями. Зарубежный опыт свидетельствует, что серьезная структурная перестройка несовместима с высокими темпами экономического роста***. Но если в 90-е годы темпы экономического роста в нашей стране останутся теми же, что и в 1980—1987 гг., а в США предшествовавшая долгосрочная тенденция сохранится, то соотношение ВВП на душу населения в СССР и США будет продолжать снижаться и с 44%-го уровня 1985 г. к 2000 г. может опуститься до 35%-ного.

Вторая тенденция — повышения концентрации промышленного производства — по мере перехода к странам, приступившим к индустриализации со все большим опозданием, характерна для экономической истории большинства стран европейского континента. Она связана с тем, что вступая на путь индустриализации отсталые страны стремились воспользоваться самой совершенной по тем временам технологией, эф-

* Более точно, речь идет о нашей корректировке оценок темпов роста НД Г. И. Ханина применительно к темпам роста ВВП.

** Размеры экономического отставания СССР от США в буквальном смысле слова, как продолжительность временного интервала между годами с одинаковой величиной ВВП на душу населения, составляют сейчас около 40 лет.

*** В США, например, структурная перестройка развернулась в 70-е годы после того, как в 1973 г. произошло многократное повышение мировых цен на топливно-энергетические ресурсы. Она сопровождалась заметным замедлением роста объема производства. Если в 1950—1973 гг. среднегодовой темп прироста реального ВВП составлял 3,7%, то в 1973—1983 гг. он снизился до 2,1% [19, с. 393; 20, с. 432].

фективное применение которой, как правило, требовало увеличения средних размеров предприятий. По техническому уровню оборудования в металлургической промышленности и размерам доменных печей Германия, например, очень быстро (к концу XIX в.) превзошла Великобританию, а Россия в начале XX в. вплотную приблизилась к Германии. Накануне Великой Октябрьской социалистической революции российская промышленность характеризовалась высокой степенью концентрации производства*. Она была сосредоточена в немногих индустриальных районах (Петербургский, Московский, Ивановский, Бакинский, Донецкий, Уральский) и представлена такими крупными заводами, как Путиловский, Обуховский, Балтийский судостроительный и др.

Когда незавершившаяся в условиях царской России индустриализация получила развитие в годы советской власти, ее главной особенностью стал курс на сооружение крупных предприятий. Всего в 1929—1940 гг. было введено около 9000 крупных промышленных предприятий, в том числе такие гиганты, как Магнитогорский и Кузнецкий металлургические комбинаты, «Азовсталь», «Запорожсталь», Уральский и Краматорский заводы тяжелого машиностроения, Челябинский тракторный и др. В послевоенные годы наша страна продолжала следовать курсом на дальнейшее повышение концентрации промышленного производства. Были прорыты огромные каналы, построены сверхмощные гидроэлектростанции, возведены гиганты автомобилестроения, осуществлен «проект века» — БАМ и т. д. Гигантомания стала неотъемлемой чертой строительства материальной базы нашего общества. Между тем экономическая теория и мировой практикой давно доказано, что экономия от увеличения масштабов предприятия не беспредельна. При данной технологии в каждой отрасли существуют свои оптимальные размеры предприятия, обеспечивающие наивысшую эффективность производства и рентабельность. Предприятия, размеры которых существенно превышают оптимальные, оказываются менее эффективными и менее рентабельными**.

Рассматриваемая здесь тенденция проявлялась в европейских странах, в сущности, лишь на первых этапах их индустриализации и нивелировалась по мере того, как страны-лидеры обновляли основной капитал в отраслях, ставших для них традиционными, и как в большинстве государств примерно одновременно возрастал удельный вес новых, более наукоемких отраслей. Ее анализ представлял бы чисто исторический интерес, если бы не гипертрофированное проявление этой тенденции в нашей жизни на протяжении 70 лет Советской власти. Помимо относительно менее высокой эффективности производства промышленных гигантов увеличение их числа ведет к потере гибкости экономики в целом, они менее поддаются техническому перевооружению, вяло реагируют на изменения в структуре спроса, а их создание всегда сопряжено с резким обострением социальных и экологических проблем.

Наконец, третья закономерность: чем позже страна вступает на путь индустриализации, тем выше роль специальных инвестиционных банков и государства в ее промышленном развитии. В Великобритании медленный характер протекания индустриализации, значительные размеры первоначального накопления, а затем и высокие прибыли владельцев капиталистических предприятий способствовали созданию условий, при которых роль банков как инструмента мобилизации средств для финан-

* О быстром росте концентрации промышленного производства в России во второй половине XIX в. свидетельствуют данные, приводимые М. Туган-Барановским: только с 1866 по 1890 г. число крупных фабрик (с занятостью 500 чел. и выше) увеличилось в 1,5 раза, тогда как численность занятых на них рабочих возросла в 2,5, а стоимость произведенной ими продукции в 4 раза [21, с. 307].

** Неоправданно высокая концентрация промышленного производства является, по всей видимости, одной из важных причин значительного отставания СССР от промышленно развитых стран Запада по уровню экономической эффективности. Если верить американским оценкам, то уже в 1975 г. наш абсолютный уровень производительности труда в сфере материального производства был ниже, чем в таких странах, как Италия (в 1,5 раза) и Испания (в 1,2 раза) [22].

сирования производственных капитальных вложений была минимальна. Первой страной, где появились специальные инвестиционные банки, оказавшие заметное воздействие на темпы промышленного развития, была Франция. Впоследствии такие банки возникли в Германии, Австрии и других капиталистических странах, включая Россию. В Германии России и Японии важным институциональным фактором ускорения индустриализации стало государство.

В результате финансово-бюджетной политики, проводившейся в начале И. А. Вышнеградским, а затем С. Ю. Витте, в Российском Государственном банке были накоплены крупные золотые запасы, послужившие в конце 80-х и в 90-е годы XIX в. основой для экономических и кредитно-финансовых мероприятий правительства в целях развития прежде всего крупных капиталистических предприятий тяжелой промышленности и железнодорожного транспорта. Таким предприятиям предоставлялись долгосрочные кредиты, громадные государственные заказы на чрезвычайно льготных условиях, денежные субсидии, налоговые скидки (вплоть до полного освобождения от налогов), гарантии возмещения убытков и т. п. В целом же, мобилизуя финансовые ресурсы и направляя их на развитие отечественной промышленности, царское правительство во многом осуществляло в те годы функции, которые в более развитых капиталистических странах выполняли инвестиционные банки. Однако, когда после нескольких лет застоя (1900—1906 гг.) экономический рост в стране возобновился, он протекал в совершенно других условиях. С одной стороны, прежняя государственная политика стимулирования промышленного развития почти полностью прекратилась, но с другой — начался быстрый рост числа инвестиционных банков, строивших свою кредитную политику по образу и подобию германских банков. Промышленные предприятия, которые в конце XIX в. создавались и развивались при поддержке правительства, теперь прочно стояли на ногах. Вновь же образованные предприятия могли воспользоваться долгосрочными кредитами инвестиционных банков. Таким образом, если на начальном этапе индустриализация в России была всецело обязана своим успехом финансовой и структурной политике правительства, т. е. усилиям сверху, то на последующем (1907—1914 гг.) ее промышленное развитие, так же как и в европейских странах, протекало как результат частной предпринимательской деятельности, т. е. инициативы снизу.

Особенности развития промышленности в СССР подтверждают рассматриваемую закономерность, но являются вместе с тем крайним ее проявлением. Нарастание монополизации и расширение государственного сектора, характеризующие экономическое развитие в период индустриализации, здесь были ошибочно приняты за непреложные законы мирового хозяйственного развития. Идея о государственной монополии как высшей форме управления народным хозяйством была возведена в ранг государственной идеологии. Этому способствовала и «догоняющая» ориентация. К концу гражданской войны степень экономической отсталости нашей страны достигла угрожающих размеров. В течение 30 лет российская индустриализация набирала силу, а затем в 1918—1920 гг. была, в сущности, отброшена к своему исходному пункту. Все это время уровень промышленного развития и военно-экономических возможностей ведущих капиталистических стран неуклонно повышался. Это обстоятельство стало одним из факторов, благодаря которым после окончания гражданской войны командные высоты в народном хозяйстве были сосредоточены в руках советского государства. Оно сыграло важную роль и в дальнейшем, когда после завершения восстановительного периода и свертывания новой экономической политики в стране воцарилась командно-административная система централизованного управления экономикой.

Какие же задачи ставила эта система перед экономикой страны? Как в довоенный, так и в послевоенный периоды важнейшая из них состояла в том, чтобы догнать и перегнать промышленно развитые капи-

талистические страны*. Со всей остротой она была поставлена в 1931 г. в речи И. В. Сталина на первой Всесоюзной конференции работников социалистической промышленности: «Мы отстали от передовых стран на 50—100 лет. Мы должны пробежать это расстояние в десять лет. Либо мы сделаем это, либо нас сомнут» [23, с. 362]. Одной из главных целей создания административно-плановой системы стала централизация максимально возможной доли ресурсов и направление их на ускоренное развитие тяжелой промышленности и оборонных отраслей. Такую задачу не могла выполнять экономическая система, при которой решения о распределении средств на нужды накопления и потребления, о направлении неиспользованных для текущего потребления ресурсов принимаются децентрализованно самостоятельными хозяйственными единицами. Поэтому в промышленности на смену хозрасчетным отношениям и оптовой торговле средствами производства пришло оторванное от реальных условий тотальное директивное планирование сверху, а в сельском хозяйстве произошел переход от товарного производства к внеэкономическому принуждению к труду.

Если экономическую роль государства в период нэпа еще можно рассматривать как крайнее проявление тенденции, общей для догоняющих стран, проводящих индустриализацию, то систему, созданную впоследствии, вряд ли можно считать одним из вариантов реализации этой общемировой тенденции. Здесь, видимо, следует говорить о создании нового типа хозяйственной организации, по крайней мере, в пределах новейшей истории, ставящей СССР вне рамок того пути развития экономических систем, который проходили до этого все индустриально развитые страны. Нет оснований утверждать, что создание такой системы было оправдано последующим ускорением экономического развития.

Результаты выполнения первых пятилетних планов не оправдали возлагавшихся на них надежд. Как и можно было ожидать, после чрезвычайно высоких темпов роста НД (13%) в восстановительный период (период нэпа), в годы трех предвоенных пятилеток (1929—1941 гг.) он снизился до 3,4%, в легкой промышленности упал вдвое. Первоначально намеченные рубежи второй пятилетки (по электроэнергии, углю, чугуну) были фактически достигнуты лишь в 50-х годах; в годы же третьей, прерванной войной, пятилетки производство чугуна, стали, проката, цемента практически не возросло, а в ряде отраслей производства сократилось.

Задача «догнать и перегнать» была вновь поставлена сразу после войны. Даже в Программе Коммунистической партии Советского Союза, принятой на XXII съезде КПСС, было записано: «В ближайшее десятилетие (1961—1970 гг.) Советский Союз, создавая материально-техническую базу коммунизма, превзойдет по производству продукции на душу населения наиболее мощную и богатую страну капитализма — США». [КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М.: Политиздат, 1986. Т. 10. С. 127—128]. Если отвлечься от конкретных сроков предполагавшегося решения этой проблемы, то сама ее постановка в новых условиях естественным образом вытекала из задач в области внешней политики и идеологии. Догнать и перегнать было необходимо, чтобы доказать на деле преимущества социализма перед капитализмом, усилить привлекательность социализма в мире, успешно поддерживать высокий военный потенциал в условиях конфронтации и гонки вооружений; наконец, чтобы сохранить за собой и упрочить статус великой мировой державы. Но все это, за исключением поддержания обороноспособности, оказалось далеко за пределами реальных возможностей не только в 1970 г., но и сегодня. Кстати, только теперь наше общественное сознание начинает понемногу освобождаться

* Ответ на ключевой вопрос, в чем именно необходимо превзойти Запад, в производстве продукции какого состава, требует отдельного анализа (см. ниже).

от императивов типа «догнать и перегнать», которые еще занимают видное место в арсенале бюрократических методов руководства экономикой*.

ОСОБЕННОСТИ СТРУКТУРЫ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА СССР

Международные сопоставления темпов экономического роста (см. выше) демонстрируют скорее сходство СССР с развитыми странами, подчинение его общим закономерностям «догоняющих» стран. Среднегодовые темпы прироста реального ВВП СССР на душу населения в послевоенный период практически не отличались от соответствующих средних темпов роста суммарного ВВП ведущих стран Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР): за 1951—1984 гг. — 3,3%.

Однако означает ли это, что за близкими обобщающими показателями развития производства скрывается и близкое социально-экономическое содержание, что ВВП СССР и США и других развитых стран сближаются, например, по структуре входящих в них компонентов? К сожалению, международные сопоставления структуры (долей) использования национального продукта СССР на потребление населения, инвестиции в развитие производства и военно-промышленного комплекса (ВПК) связаны с еще большими трудностями, чем сравнение уровней ВВП. На оценку показателей структуры большое влияние оказывают такие факторы, как режим секретности, охватывающий все предприятия, связанные с ВПК, и отсутствие достаточной дифференциации в ценах продукции и ресурсов в зависимости от их качества.

Поскольку ВПК поглощает, как правило, значительно более качественные ресурсы, их доля в официальных советских данных оказывается сильно заниженной. Этот недостаток не вполне исправляется при сопоставительных расчетах. Наоборот, сравнительная оценка доли непродовольственных услуг для населения в СССР резко завышена, поскольку в процессе оценки фактически предполагается, что труд в этой сфере одинаково эффективен в СССР и в США. Поэтому при сопоставлениях структуры мы используем доли, рассчитанные по текущим внутренним ценам (ставка заработной платы и т. д.), осознавая всю условность этих оценок. А данные Проекта международных сопоставлений применяются только для сравнения уровней ВВП.

Рассмотрим прежде всего ту часть результатов общественного производства, от которой непосредственно зависит благосостояние народа. В отличие от СССР, где значительную долю потребительских благ семья получает в виде бесплатных или льготных услуг от государства, в США почти весь объем потребления проходит через бюджет семьи, так что доля потребления населения в ВВП почти совпадает с долей в нем личного потребления. Учет предоставляемых бесплатно государственных услуг увеличивает процентную долю лишь на 1—2 пункта.

Индекс личного потребления в американской статистике включает также условную арендную плату от использования собственных жилищ. Из показателей, рассчитываемых нашей официальной статистикой, к общей величине потребления населения, включающей личные и государственные расходы, наиболее близок показатель «ресурсы для потребления». Более адекватная методика оценки объема потребления в СССР (на основе данных официальной статистики, в действующих ценах) изложена в [25].

В развитых странах государство с помощью налоговой, амортизационной и кредитной политики, как правило, оказывает существенное влияние на хозяйственные организации, стимулирующее инвестиционную активность и в конечном счете повышение доли накопления в ВВП.

* Один из последних примеров — задача, которую поставило перед железнодорожниками нынешнее руководство МПС: в 1990 г. превзойти стальные магистрали США по всем основным технико-экономическим показателям и прежде всего по производительности труда [24].

Распределение ВВП США по конечному пользованию, в текущих ценах,
% к итогу*

Годы	Личные расходы на потребле- ние	Частные внутренние валовые инвестиции	Чистый экспорт	Государст- венные закупки това- ров и услуг	Сумма
1930	76,73	11,64	1,10	10,43	99,89
1935	76,65	9,07	0,14	14,01	99,86
1940	70,72	13,35	1,79	14,14	100,00
1945	56,04	5,30	-0,23	38,89	100,00
1950	66,63	19,11	0,76	13,46	99,97
1955	63,54	17,17	0,74	18,55	100,00
1960	64,18	15,18	1,14	19,52	100,02
1965	62,50	16,48	1,38	19,66	100,01
1970	63,02	14,65	0,84	21,49	100,00
1975	63,36	13,74	1,95	20,96	100,01
1980	63,42	16,00	1,17	19,41	100,00
1985	65,48	16,02	-1,94	20,44	100,00
1986	66,21	15,70	-2,46	20,55	100,00
1987	66,54	15,75	-2,72	20,43	100,00

* Рассчитано по данным [28, с. 57].

Тем не менее доля накопления там не поднимается выше некоторого максимального предела, зависящего от уровня производства и потребления, объема военных расходов, циклических колебаний и т. д.

В долгосрочном плане с повышением общего уровня производственных возможностей доля потребления, видимо, постепенно (очень медленно) снижается. В США она, усредненная за десятилетие, составляла в 30-е годы 78% и резко упала в военное и послевоенное десятилетия: в 50—70-е — 63—64%, в 80-е — 67% (см. табл. 3).

Созданная в СССР система позволила уже в 30-е годы, хотя страна находилась на гораздо более низком уровне развития, чем США, уменьшить долю потребления населения, по нашей оценке, до половины ВВП. Более надежно можно оценить долю потребления в 70—80-е годы. В эти годы она колеблется вокруг 60%. Около 8 процентных пунктов из этих 60 составляют бесплатные услуги. Если взять показатель личных расходов на потребление*, то различие между его долей в ВВП в СССР и в США оказывается более внушительным. В 80-е годы эта доля в США составляла около 65%, в СССР — около 55%.

Различие доли потребления населения в ВВП — важное, но далеко не единственное, и скорее всего не основное отличие структуры ВВП СССР от развитых стран Запада. Наиболее бросается в глаза «утяжеленность» отраслевой структуры экономики СССР: низкий удельный вес сферы услуг и, наоборот, излишнее развитие производства и потребления первичных ресурсов. Достаточно сказать, что в 1985 г. доля услуг** в ВВП в США составляла 63,1, в СССР — 35,2%. В то же время несмотря на вдвое или втрое больший объем ВВП США там потреблялось только на 33% больше энергии [26, с. 85, 71], а черных металлов — даже на 35,8% меньше, чем в СССР (соответственно 90,9 и 141,6 млн. т) [27, с. 248].

Надо отметить, что указанные различия особенно резко выявились и углубились за последние 20—30 лет. За этот период в странах Запада произошла, как говорят исследователи длинных циклов экономического развития, третья техническая революция, сопровождаемая резким изме-

* Объем потребительских благ, получаемый в обмен на денежный доход семьи, имеет важное значение, поскольку в СССР остальные виды потребления не предоставляют права выбора для потребителя.

** В агрегат «услуги» включены торговля, снабжение, сбыт, транспорт, связь, жилищное хозяйство, коммунально-бытовое обслуживание, социально-культурный комплекс. Расчеты проведены авторами.

нением структуры ВВП. Сдвиги пропорций в СССР в это время были несоизмеримо меньшими. Рост экономики при слабо меняющейся структуре требовал вовлечения все больших объемов материальных и людских ресурсов, не считаясь с их падающей эффективностью. Этим в значительной мере объясняется неуклонное падение темпов экономического роста после седьмой пятилетки, закончившееся стагнацией 80-х годов.

Основной вопрос, возникающий в связи с этим фактом — «структурного отставания», — о его причине. Хорошей иллюстрацией смысла этого вопроса являются споры о возможности снижения темпов наращивания производства энергоресурсов в связи с пересмотром Энергетической программы на 1990—2005 гг. [29].

Одним из аргументов сторонников радикального пересмотра или даже полного отказа от Энергетической программы служит существенное снижение темпов роста энергопотребления в большинстве стран с рыночной экономикой после «нефтяного шока» в начале 70-х годов. Но в первые послевоенные десятилетия, когда началась третья волна научно-технической революции, и даже в начале 70-х годов, когда в Европе, Америке и Японии начался процесс быстрого снижения энергоемкости хозяйственного развития (рост ВВП почти без увеличения потребления энергии), СССР находился по уровню душевого ВВП на одном из последних мест среди развитых стран. Если верить тем оценкам, которые приведены в табл. 2 и на рисунке, то в 1985 г. СССР был примерно на уровне Японии и Италии начала 70-х, ФРГ — начала 60-х, а США — скорее всего, 30-х годов. Мог ли он тогда и может ли в ближайшие пятилетия сделать тот структурный маневр, который осуществлен развитыми странами в последние два-три десятилетия и который привел к столь резким отличиям в структуре их ВВП от советской? Не является ли структурная отсталость следствием отсталости уровнейой? В какой мере догоняющие страны вынуждены повторять эволюцию структуры передовых, насколько они могут осуществлять прогрессивные изменения структуры, находясь на более ранних стадиях?

По нашему мнению, общая «уровневая» и технологическая отсталость не является главным фактором, определяющим воспроизводство неэффективной отсталой структуры. Структурная эволюция догоняющей страны может значительно отличаться от модели развития лидирующих стран. Конечно, экономия первичных ресурсов лишь частично зависит от снижения энерго- и металлоемкости конкретных изделий или технологических процессов. В значительной степени на разрыв в потреблении энергии и материалов на единицу ВВП воздействуют макропропорции народного хозяйства, изменение которых не может происходить быстро.

Вопрос о возможности и целесообразности ориентировки на более развитые страны в планировании и проведении структурной политики, видимо, не имеет однозначного решения и нуждается в каждом случае в специальном анализе. Однако о существовании принципиальных условий проведения достаточно крутых маневров в этой области для разных стран свидетельствует именно одновременность изменения тенденции, по крайней мере, во всех развитых государствах.

После 1972 г. в них практически перестало расти энергопотребление [30], хотя темпы прироста ВВП за 1973—1980 гг. варьировали от 2,5% (США) и 1,6% (Великобритания) до 4,5% (Япония) [31, с. 75, 78, 100]. В 1972 г. эти страны по душевому ВВП находились также на самых разных уровнях. Так, Япония и Англия — примерно на уровне 60% от США, Италия — 50% [32, с. 29]. После «нефтяного шока» все развитые страны стали энергично осуществлять переход к энергосберегающим технологиям.

Темпы энергосбережения в СССР не идут в сравнение с энергосбережением Японии, Европы и Америки. Конечно, отчасти это — следствие низкого хозяйственного развития СССР и незавершенности нашей электрификации, особенно в потребительском секторе. Но вряд ли мы должны ориентироваться в ретроспективном анализе и в планировании буду-

щих темпов только на динамику энергопотребления развитых стран 50—60-х годов, не учитывая их опыт двух последующих десятилетий. Видимо, не целиком, но в значительной мере отставание СССР в энергосбережении можно объяснить инертностью нашего хозяйственного механизма, недостатком его способности обеспечить прогрессивные структурные сдвиги.

При создании административно-командной системы представлялось, что возможность централизованно распоряжаться огромной долей НД позволяет наиболее быстро реализовать прогрессивные структурные сдвиги и модернизировать всю отраслевую структуру народного хозяйства. Следует сказать, что в 30-е годы, пока число крупных предприятий было сравнительно невелико, хозяйственные взаимосвязи не слишком сложны, резерв трудовых, природных ресурсов в руках центра достаточно велик, а предстоящие задачи вполне очевидны, эти ожидания оправдывались. Однако уже начиная с 60-х годов непомерно разросшийся и лишенный рыночных критериев эффективности бюрократический аппарат управления начинает тормозить все резкие изменения пропорций. Такие сдвиги фактически могут осуществляться только через структурные кризисы (хотя бы отраслевые!). А бюрократический аппарат не заинтересован ни в каких кризисах. Весь хозяйственный механизм был отработан так, чтобы реализовывать в управлении экономикой государственные приоритеты, которые вытекали из идеологии и теории. Часть диспропорций, снижающих эффективность советской экономики, можно объяснять именно такими приоритетами, устаревшими или возникшими на основе ошибочных теоретических представлений. Это, так сказать, запрограммированные диспропорции. Другие — результат недостатков хозяйственного механизма, не связанных с теоретическими или идеологическими представлениями его творцов; следствие стихийных процессов, с которыми данный хозяйственный механизм не способен справиться. Это издержки планово-командной системы управления.

В основном к этим последним, видимо, надо отнести причины следующих диспропорций:

обеспечение первоочередного развития тяжелой промышленности в ущерб отраслям инфраструктуры, капитальные вложения в которую рассчитаны на длительные сроки окупаемости, но зато абсолютно необходимы для повышения эффективности производства;

экстенсивное наращивание вводимых в хозяйственный оборот материальных и людских ресурсов, не считаясь с падающей эффективностью их применения;

расточительное потребление невозпроизводимых природных ресурсов, без учета быстро сужающихся возможностей их использования будущими поколениями.

Естественно, что пропорции по тем же двум причинам оказываются резко нарушенными не только в объемах и темпах развития производства и потребления, но и в ценах, заработной плате, распределении доходов, т. е. в элементах самого хозяйственного механизма, определяющих пропорции в производстве и потреблении.

К источникам запрограммированных диспропорций нужно отнести низкие оптовые цены на средства производства и высокие розничные на потребительские товары, применяемые как инструмент поддержания низкого уровня потребления. В отношении продовольственных товаров в последние десятилетия постепенно сложилась противоположная ситуация. Под влиянием роста затрат в производстве, закупочные цены быстро повышались, а розничные искусственно удерживались на низком уровне за счет дотаций. Заниженность цен на топливо, энергию, сырье отчасти носит запрограммированный характер как следствие ошибочной теоретической догмы об установлении цен на уровне среднеотраслевых затрат [33] и об отсутствии ренты природных ресурсов в социалистическом хозяйстве. Частью же такое положение является результатом плохого механизма регулирования ценовых пропорций, а именно — стихийного процесса постоянного повышения цен в отраслях с многономенкла-

турной и быстро обновляемой продукцией, в то время как цены на первичные ресурсы растут только при массовых пересчетах цен в народном хозяйстве, т. е. раз в 10—15 лет.

Только в самые последние годы стали увеличиваться заработки ИТР на производстве и в проектно-конструкторских бюро, учителей в школах. К началу 80-х годов средняя заработная плата ИТР была ниже заработной платы основных рабочих, а учителей — ниже заработной платы всех рабочих. Этот факт — следствие незапрограммированных особенностей нашего хозяйственного механизма, сложившегося после реформы 1965 г. Он не в состоянии жестко контролировать и ограничивать повышение заработной платы рабочих, особенно сельских, но достаточно эффективно централизованно планирует и ограничивает оклады служащих и ИТР. В результате лидирующей по темпам роста оплаты труда группой работников всегда оказывались рабочие-сельские.

На протяжении двух последних десятилетий изыскание средств для необходимого повышения оплаты труда высококвалифицированных вспомогательных рабочих всегда было проблемой для руководителей предприятий. К росту заработной платы рабочих путем централизованных мероприятий подтягивали оклады ИТР и служащих. Здесь, как правило, царствовала эмпирика, за исключением соотношения уровней оплаты труда в материальном производстве и обслуживании. Приоритет материальной сферы, а следовательно, и разрыв в уровнях оплаты труда, был освящен, кроме того, непререкаемой теорией.

Далее. Если сравнивать структуру ВВП СССР 1985 г. с аналогичными показателями для развитых стран за годы, соответствующие по уровню их душевого ВВП, то резкое расхождение обнаруживается по таким видам услуг, как жилье и коммунальные услуги, включая оценку условной арендной платы за пользование собственным жильем, транспорт и связь. Для СССР в 1985 г. доли этих услуг в ВВП составляли 5,2 и 4 %, для США в 1952 г. соответственно 11,7 и 8 %*.

Хотя эти различия относятся к услугам, неправильно было бы трактовать их как результат заниженных цен услуг по сравнению с материальным производством. Это реальное различие в обеспеченности жильем и личным транспортом. Основная причина — низкий уровень капитальных вложений в повышение благосостояния населения.

В заключение приведем пример бросающейся в глаза диспропорции, обязанной своим происхождением непосредственно ошибочным теоретическим представлениям. Речь идет о резко заниженной в СССР по сравнению с развитыми странами доле затрачиваемых ресурсов и доходов от посреднической деятельности.

В период подготовки и проведения перестройки, в частности уточнения облика нашей экономической реформы, большое значение приобретает межстрановое сопоставление результатов определенных видов деятельности, в первую очередь торговли (по классификации Госкомстата «торговля, общественное питание, материально-техническое снабжение и сбыт, заготовки») и финансово-кредитной деятельности, включая страхование и операции с недвижимостью. Даже если делать сопоставление по тем годам, которые соответствуют одинаковому уровню стран по ВВП на душу населения, то оказывается, что в развитых странах доля в ВВП доходов от торговли в 2—3 раза выше, чем в СССР, а от кредитно-финансовой деятельности — в 3—5 раз (см. табл. 4).

Этот факт иллюстрирует не столько недостатки хозяйственного механизма, неспособного противостоять негативным тенденциям, сколько воздействие государственных приоритетов, нерациональных, ошибочных с точки зрения экономической и социальной эффективности.

В рыночной экономике посредническая деятельность, наиболее древними и развитыми формами которой являются торговля и кредитно-фи-

* Рассчитано по данным таблицы личных потребительских расходов [34, с. 89—91].

Доли посреднических услуг в валовом внутреннем продукте, %

Виды услуг	СССР 1985 г., по расче- там авторов	США 1952 г. [34, с. 178]	Велико- британия 1968 г. [35, с. 232]	ФРГ 1970 г. [36, с. 235]	Франция 1970 г. [36, с. 211]	Япония 1977 г. [37, с. 77]	Италия 1977 г. [36, с. 307]
Торговля	5,4	16,8	9,4	10,9	12,7	14,7	15,1
Финансы, кредит, страхование, опе- рации с недви- жимостью	2,2	11,0	10,2	8,2	13,4	13,9	17,9

нансовые операции, это деятельность информационно-управленческой системы. Результат ее — открытие новых направлений хозяйственной активности, формирование цен и оценок разных видов работы и их итогов. На их основе производится определение сравнительной эффективности проектов, распределение благ в обществе. Свобода экономической деятельности и рынок позволяют вовлечь в эту управленческую работу в той или иной мере всех участников, всех агентов экономической системы. Этот факт хорошо иллюстрируется разбросом (иногда в несколько раз) цен на товар примерно одного и того же качества разных магазинов. Такой разброс свидетельствует, во-первых, о том, что условия продажи, сопутствующие услуги и нематериализованные выгоды для потребителя и производителя, информация о возможностях приобретения нужного товара или услуги в том или ином месте — все это имеет значимость, вполне соизмеримую с затратами на само производство изделия. Разброс говорит о большом числе неформализуемых или плохо формализуемых факторов, без учета которых не могут быть согласованы, гармонизованы интересы потребителей и производителей и игнорирование которых наносит ущерб этим интересам, а следовательно, и эффективности всего хозяйства. Во-вторых, этот разброс показывает, что процесс «нащупывания» равновесной цены, оптимальных размеров производства, оптимальных хозяйственных связей требует постоянных усилий со стороны многочисленной армии производителей, потребителей, работников торговли и всех других посреднических организаций.

Передача всей посреднической деятельности незаинтересованным бюрократическим, ведомственным структурам и искусственное ограничение самостоятельного участия в ней хозяйственных агентов и их доходов несомненно явилось одной из главных причин снижения эффективности общественного производства. В то же время вряд ли можно указать другой предрассудок, с большим трудом воспринимаемый общественным сознанием и даже господствующей политэкономической идеологией, чем отказ признать рыночную оценку посреднической деятельности столь же законной оценкой труда ее агентов, как и труда по производству товаров. Возвращение к экономическим отношениям и методам управления в хозяйстве требует в качестве одного из главных шагов переосмысления роли посреднической деятельности как управляющей системы.

Авторы выражают глубокую благодарность Я. Ш. Паппэ за ряд серьезных замечаний по содержанию статьи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Селюнин В. Ради конечной цели//Разведка словом. М.: Моск. рабочий, 1988.
2. Гайдар Е., Ярошенко В. Нулевой цикл. К анализу механизма ведомственной экономики//Коммунист. 1988. № 8.
3. Илларионов А. Н. Где мы находимся?//Экономика и орг. пром. пр-ва. 1988. № 12.
4. Никитин С., Гельвановский М. Где же мы? (Экономика СССР с позиций международных сопоставлений)//Мировая экономика и междунар. отношения. 1990. № 1.
5. Международные сопоставления макроэкономических показателей//Экономическое положение капиталистических и развивающихся стран. М.: Мировая экономика и междунар. отношения, 1989.

6. Soviet Economy in a Time of Change. V. 1. US and USSR: Comparisons of GNP. Wash., 1979.
7. Ханкин Г. И. Почему и когда погиб НЭП//Экономика и орг. пром. пр-ва. 1989. № 10.
8. Ханкин Г. И. Экономический рост: альтернативная оценка//Коммунист. 1988. № 17.
9. Boresky M. The Teriability of the CIA Estimates of Soviet Economic Growth//J. Comparative Econ. 1987. № 11.
10. Economics in the Long View. V. 1. Models and Methodology. L., 1982.
11. Kuznets S., Economic Growth of Nations. Total Output and Production Structure. Cambridge, Mass., 1971.
12. Maddison A. Phases of Capitalist Development. N. Y., 1982.
13. Lipsey R. E., Kravis I. B. Saving and Economic Growth: is the United States Really Falling Behind? N. Y., 1987.
14. Clark C. The Conditions of Economic Progress. L., 1957.
15. Kuznets S. Modern Economic Growth. Rate, Structure, and Spread. New Haven, 1966.
16. The Economics of Take-off into Sustained Growth. L., 1963.
17. Прокопович С. Н. Опыт исчисления народного дохода по 50 губерниям Европейской России. М., 1918.
18. Ofer G. Soviet Economic Growth: 1928—1985//J. Econ. Literature. 1987. V. XXV. № 4.
19. Statistical Abstract of the United States. Wash., 1976.
20. Statistical Abstract of the United States. Wash., 1985.
21. Туган-Барановский М. И. Русская фабрика в прошлом и настоящем. Т. 1. М.: Соцэкгиз, 1938.
22. Bergson A. Comparative Productivity: the USSR, Eastern Europe, and the West//The Amer. Econ. Rev. 1987. № 6.
23. Сталин И. В. Вопросы ленинизма. М.: Политиздат, 1953.
24. Антонов М. Несоответствующие люди//Наш современник. 1989. № 2.
25. Волконский В. А., Соловьев Ю. П., Сухорукова Г. М. Баланс доходов и потребление населения//Экономика и мат. методы. 1989. Т. XXV. Вып. 4.
26. 1986. Energy Statistic Yearbook. N. Y., 1988.
27. Нечаев А. А. Сопоставление потребления материальных и энергетических ресурсов в СССР и развитых капиталистических странах//Соревнование двух систем. Исследования, дискуссии, информация. М.: Наука, 1989.
28. Survey of Current Business. 1988. № 9.
29. Энергопрограмма: перестройка или перестраховка?//Энергия. 1989. № 5.
30. Орлова Е. Р. Исследование динамики энергопотребления и энерго-экономических связей в промышленно развитых капиталистических странах. М.: ВНИИСИ, 1987.
31. Organisation de la coopération et du développement économique. Comptes nationaux 1960—1985. V. 1. P., 1987.
32. Kravis I., Heston A., Summers R. World Productant Income. International Comparisons of Real Gross Product. Baltimore; London, 1982.
33. Вавилов А. П., Волконский В. А., Кузовкин А. И., Павлов Н. В., Петраков Н. Я., Соловьев Ю. П., Ясин Е. Г. Методы учета ренты в ценах и плановых расчетах//Экономика и мат. методы. 1986. Т. XXII. Вып. 5.
34. The National Income and Product Accounts of the U. S. 1929—1974. Wash. 1976.
35. Organisation de la coopération et du développement économique. Comptes nationaux 1964—1981. V. 2. P., 1983.
36. Organisation de la coopération et du développement économique. Comptes nationaux 1970—1982. V. 2. P., 1984.
37. Organization de la coopération et du développement économique. Comptes nationaux 1973—1985. V. 2. P. 1987.

Поступила в редакцию
19 II 1990